

«Полиция есть душа гражданства»

ВЕЛИКИЙ реформатор России мечтал, как мы помним, с помощью совершенного «воспитывающего» законодательства и идеальной государственной структуры настолько исправить нравы своих подданных, чтобы каждый осознал необходимость служить, не щадя живота своего, государству, то бишь государю, ради достижения мифического «всеобщего блага». Панацею же от всех бед и несчастий, подстерегающих подданных на пути к лучезарному будущему, Петр видел в создании еще одного государственного механизма, мыслимого как нечто всеохватывающее и всепроникающее. Роль такой системы, пронизывающей все гигантское здание российской государственности, должна была, по мысли Петра, сыграть полиция. Принципиально важно то, что полиция понималась не только как учреждение, но и как система отношений, образ универсального мышления, в котором культ государственной власти был доведен до предела.

Глава «О полицейских делах» в регламенте Главного магистрата 1724 года — это «песнь песней» полиции как культуре: «...полиция особливое свое состояние имеет, а именно: оная споспешествует в правах и в правосудии, раждает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домашних расходах и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими *полиция есть душа граж-*

данства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства»¹.

За каждым из этих положений — вереница конкретных мероприятий властей, но об этом скажем ниже.

Попробуем понять, как Петр пришел к мысли о государстве, одушевленном полицейской идеей?

Стремление осуществить государственный надзор за частной жизнью каждого человека, войти в его дом, его семью, следить за его образом жизни, бытом, нравами, даже внешним видом проявилось очень рано, в самом начале XVIII века. Как уже говорилось, идея распространения «регулярства» (понятия, отражающего стремление к единообразию, унификации на основе западноевропейских принципов) на сферу гражданской жизни была производной от идеи «регулярства» как главного элемента военной реформы, усвоенного Петром как наиболее эффективное средство достижения успехов на войне, победы над внешним врагом. Победа над врагом внутренним — противниками преобразований — достигалась не только суровыми карательными средствами (плаха, галеры, Сибирь и т. д.), но и всемерным искоренением столь ненавистой Петру с детства «старины» — понятия, противоположного «регулярству», прочно связанного с бородой, длинным платьем, кажущимся хаосом русской городской застройки, суевериями, обычаями, основанными на традициях. Эта победа достигалась (по аналогии с военной) повсеместным волевым, насильственным внедрением «регулярства» в повседневную жизнь подданных. Как и на войне, указы Петра о преобразованиях быта, обычаев, одежды звучали как приказы, они были лапидарны и суровы. Эти указы надлежало исполнять, не задумываясь над их смыслом и конечной целью.

Последний год XVII века — 1700-й — открывался указом от 4 января следующего содержания: «Бояром и окольничим и думным, и ближним людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и дьяком и жильцом и всех чинов служилым и приказным, и торговым людям и людям боярским на Москве и в городах носить платья венгерские, кафтаны: верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних тем же подобием, и то платье кто успеет сделать, носить с богоявления дни ныняшнего 1700 года, а кто к тому дни сделать не успевает, и тем делать и носить, кончае с нынешния сырныя недели». По-видимому, тогда же вышел указ и о бритье бород всем пе-

«Бородовой знак».

речисленным выше категориям населения. Повторный указ появился 16 января 1705 года. В нем предписывалось, чтобы все служилые, купцы и посадские «впредь с сего его великого государя указа бороды и усы брили. А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и с усами, и с тех имать», и далее указаны суммы налога — от 30 до 100 рублей, с крестьян же взималось «по две денги» при въезде в город. Заплатившим налог выдавался особый знак².

Пожалуй, в истории петровских времен трудно найти более известные указы. Они уже давно стали символом радикальности осуществленных великим преобразователем перемен, ориентированности на приобщение России к западноевропейской культуре и образу жизни. Не случайно в «Журнале, или Поденной записке» об этом сказано так: «Тогда ж за благо разсудил старинное платье российское (которое было наподобие польского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств, такожде и бороды повелел брить»³.

Бритье бород и переодевание своих подданных Петр начал сразу же после возвращения из-за границы в конце августа 1698 года, причем под ножницы в первую очередь пошли бороды ближайших бояр, им же первым было предписано явиться ко двору в одежде европейского покроя. Пример ношения «новоманирной» женской одежды были вынуждены подать ближние родственницы

царя — его сестры. Нет сомнения, что эта неожиданная для всех акция делалась не только для «славы и красоты государства и воинского управления», как писалось в августовском (1701 г.) указе, но главным образом как сознательное противопоставление нового, современного, удобного, полюбившегося царю — старому, архаичному, неудобному и ненавистному, четко ассоциировавшемуся с Москвой бородатых стрельцов, бояр, врагов и недоброжелателей. В этом были проявлены присущие Петру демонстративность и властность, желание заставить людей делать то, что он, и никто другой, считал лучшим.

Конечно, можно посмеяться над опозоренными боярами — старыми людьми, униженно стоящими перед царем с обритыми подбородками, в кургуzych, тесных одеждах. Но, глядя на гравюру, где изображен стоящий на коленях в грязи человек, у которого солдат овечьими ножницами кромсает полу «запрещенного» кафтана, можно и посочувствовать петровским современникам — достаточно представить себе на секунду, что вы вышли из метро и вас ставят на колени в грязь, чтобы обрезать вровень с землей ваше новое зимнее пальто.

По-видимому, долгие годы можно было только насилем поддерживать новые моды и нравы. Не раз публиковались указы, угрожавшие нарушителям постановлений о форме одежды гражданского населения различными карами, в том числе и ссылкой на каторгу, но людям было нелегко привыкнуть к новой одежде, новому облику, так резко искаженному в один день.

Одни — особенно из раскольников — не скрывали своего возмущения, ибо традиционная одежда непосредственно ассоциировалась с благочестием. Так, в 1704 году в Москву пришел нижегородец А. Иванов и заявил «слово и дело», то есть добровольно отдался пыточному ведомству. На допросе он заявил: «Пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть...» Иванов требовал, «чтоб государь велел то все переменить». Не выдержав пыток, он умер в застенке. И таких, как Иванов, можно понять, ибо традиция, законодательство веками утверждали норму: бритье — признак ереси, безбородый не может войти в царствие небесное, бритый покойник даже лишался христианского обряда захоронения.

Преследование русской одежды в петровское время. Голландская гравюра начала XVIII в.

Другие, наоборот, прятались, затаивались, но, придя домой, спешили сбросить с себя ненавистные одежды и надеть то, что было привычно и удобно с детства, а иногда рисковали даже появляться на людях в старых одеждах. В одном из подметных писем читаем: «Да они ж, бояре, другому указу твоему непослушны учинились б русском платье, как ты придешь к Москве и то при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ходят в телогреях, и наверх надевают юбки и в церквях в одних телогреях стоят, а на головах носят не шапки польския, [а] неведомо какая дьявольския камилавки, а все, ругаячи указ твой государев, шапок и фонташев не носят, а буде на ком увидят шапку или фонтаж, и они ругают и смеются, и называют недобрыми женами тех, кто ходит супротиву твоего указу»⁴. Примечательно, что сосланные в Березов в 1730 году лидеры верховников князя Долгорукие повезли с собой в Сибирь любимые однорядки, телогреи и другую старинную одежду, в которой, по-видимому, ходили дома всю петровскую эпоху.

Наконец, третьи (а таких было большинство, особенно из числа молодежи) привыкали к новым одеждам, обычаям, активно насаждаемым Петром через указы, торжественные мероприятия, развлечения. Поездки за

границу, общение с многочисленными иностранцами, обучение молодых европейским манерам делали свое дело — через полтора-два десятилетия многим дворянам казались смешными отцовские охабни, бороды, телогреи.

Государство не останавливалось на регламентации причесок, формы одежды для подданных. Оно бесцеремонно переступало порог частного дома, строго следя не только за тем, чтобы потолок был оштукатурен (есть соответствующие указы), но чтобы люди жили «регулярно». Едва родившись на свет, они вносились в специально заведенные при церквях метрические книги, потом вовремя определялись в школу, полк, канцелярию, подушный оклад. Когда же они умирали, то их были обязаны хоронить в гробах установленного образца.

С 1705 года была введена монополия на продажу дубовых гробов, и «буде после той переписки,— отмечалось в указе,— к которой церкви принесут умершего в дубовом гробе, а на покупку того гроба ерлыка от продавца (т. е. по-современному — квитанции.— Е. А.) не будет», то... в общем, покойнику и сопровождающим его лицам приходилось несладко. С 1723 года покойника, принесенного на кладбище в гробу дубовом или сделанном из сосновой колоды, перекладывали в уставной — дощатый, и священникам строжайше запрещалось хоронить в неуставных гробах⁵.

Если предписание о гробах можно объяснить заботами о сохранении лесов, то странный указ от 12 апреля 1722 года о надгробных камнях на кладбищах, которые надлежало, «окопав, опустить в землю такую умеренностью, дабы оные с положением места лежали ровно», объясним лишь тем присущим Петру стремлением к «регулярству», без которого «те камни неуборно и неприлично положенные наносят святым церквам безобразие, и в случающемся около тех церквей хождении чинят препятие»⁶.

В соответствии с новой концепцией жизни государство активно внедряло новые, часто непривычные для русского человека стереотипы поведения. Это достигалось с помощью законодательства, личный пример показывал и сам царь и его окружение. Подлинным пособием для дворянина, вступающего в новую жизнь, стало знаменитое «Юности честное зерцало, или Показание житейскому обхождению, собранное из разных авторов» (1717 г.). Это сочинение неизвестного автора формирует

новый стереотип поведения светского человека, рисует образ в высшей степени положительного юноши, избегающего дурных компаний, мотовства, скряжничества, пьянства, злословия, болтовни, грубости. Он должен быть «бодр, трудолюбив и беспокоен, подобно как с часами маятник», «учтив и вежлив, как на словах, так и на делах, на руку не дерзок и не драчлив»⁷.

Читая в «Зерцале» о том, что запрещается, мы видим, что в реальной жизни господствовали весьма грубые нравы. Недорослю петровских времен не рекомендовалось за столом «храпеть носом и глазами моргать», сморкаться, «яко труба трубит», «не дуть в суп, чтобы везде брызгало», не класть руки на тарелку и ногами везде «не мотать, а также не ковырять ножом зубы», предписывалось: «над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши». Но при этом делать вывод, что «Зерцало» демонстрирует особую грубость русской жизни, не следует. В «Зерцало» включено немало рекомендаций, которые подчас было бы не грех знать и современным людям. Любопытно, что И. В. Саверкина в работе о «Зерцале» отметила много совпадений советов молодому человеку, данных автором «Зерцала» и Л. Честерфилдом в его «Письмах к сыну», появившихся двадцать лет спустя после «Зерцала» (плагиат исключен). Вот этот выразительный облик английского молодого балбеса, мало чем отличного от своего русского собрата:

«Стоит такому олуху войти в комнату, как шпага его легко может оказаться у него между ног, и он либо падает, либо, в лучшем случае, спотыкается. Исправив свою неловкость, он проходит вперед и умудряется занять как раз то место, где ему не следовало бы садиться; потом он роняет шляпу; поднимая ее, выпускает из рук трость, а когда нагибается за ней, то шляпа его падает снова; таким образом проходит добрых четверть часа, прежде чем он приведет себя в порядок. Начав пить чай или кофе, он неминуемо обожжет себе рот, уронит или разобьет либо блюдечко, либо чашку и прольет себе на штаны чай или кофе. За обедом неуклюжесть его становится особенно заметной, ибо он попадает в еще более трудное положение: то он держит нож, вилку и ложку совсем не так, как все остальные, то вдруг начинает есть с ножа, и кажется, что он вот-вот порежет себе язык или губы; то принимается ковырять вилкой в зубах или накладывать себе какое-нибудь блюдо ложкой, много раз побывавшей у него

во рту. Разрезая мясо или птицу, он никогда не попадает на сустав, тщетно сясь одолеть ножом кость, разбрызгивает соус на всех вокруг. Он непременно вымажется в супе и жире, хоть салфетка его и просунута концом сквозь петлю камзола и щекочет подбородок. Начав пить, он обязательно раскашляется в стакан и окропит чаем соседей. Помимо всего прочего он поражает всех своими странными манерами: он сопит, гримасничает, ковыряет в носу или сморкается, после чего так внимательно рассматривает носовой платок, что всем становится тошно. Когда руки его ничем не заняты, они ему явно мешают и он не знает, куда их определить, меж тем они все время пребывают в движении, непрестанно перемещаясь то от колен к груди, то от груди к коленям. Одежду свою он не умеет носить, вообще ничего не умеет делать по-человечески»⁸.

Конечно, вместе с рядом общеэтических положений и рекомендаций, вводимых в русское общество «Зерцалом», в нем было много типично русского и относящегося конкретно к петровским временам. Государство хотело видеть не просто воспитанного человека, получившего образование и прилично ведущего себя на людях, но прежде всего подданного и служащего. Молодая жизнь — подготовка к службе, а счастье — следствие прилежной службы: «кто служит, так тому и платят, по тому и счастье себе получает». В «Зерцале» подчеркивается требование, чтобы отрок был «во всех службах прилежен» и служил «с охотою и радением», проявляя при этом особое уважение к начальству. Примечательно, что «Зерцало» дает представление о дворянской чести, но категорически требует, чтобы ее защищали не шпагой, а жалобой в судебные инстанции, ибо дворянин должен проливать кровь, только защищая Отечество и государя.

Весьма неожиданны для нас разделы, посвященные поведению женщины. У нас сложился устойчивый стереотип представления о поведении допетровской девушки и женщины по модели «Домостроя» — это запертая в терем, скромная, нередко забитая Несмеяна, рдеющая под взглядами посторонних. Она лишь при Петре вышла в люди, ибо он был подлинным создателем женского общества в России. Но советы «Зерцала» нацелены как раз не на раскрепощение женщины, а на внушение ей большей скромности, стыдливости, воздержания, молчаливости.

В разделе «Девическое целомудрие» девушка, впервые вышедшая в свет, призывается, прежде всего, к скромности поведения. Она должна вскакивать из-за стола, если «прилучиться сидеть возле грубова невежды, которой ногами не смирно сидит», должна не радоваться, а «досадовать, когда кто оную искушать похочет»; слушая нескромные разговоры, девица не должна была смеяться и «тому спомогать», а делать вид, «яко бы она того не разумеет». Наоборот, «непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, багает по причинным местам и улицам, розиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна, скачет по столам и скамьям, дает себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва, ибо где нет стыда, там смирение не явится»⁹.

Надо полагать, что изменения быта и нравов, пришедшие с Петром, оказались весьма по вкусу вчерашней теремной затворнице, так что для следующего поколения петровских девиц приходилось в благородное дело женской эмансипации вводить некоторые ограничения.

Введена была при Петре и новая форма развлечения — ассамблеи, которые, правда, мало походили на времяпровождение свободно собравшихся людей, напоминая своеобразную светскую службу. Не случайно указ о создании ассамблей был объявлен обер-полицмейстером 26 ноября 1718 года и начинался с того, что объяснял публике, что это такое: «Ассамблеи — слово французское, котораго на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное; в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела, ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать что, где делается, притом же и забава. А каким образом оныя ассамблеи отправлять, то определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай войдет». Несмотря на то что на ассамблеях разрешалось «вольно сидеть, ходить, играть», при этом строго запрещалось, чтобы в том «никто другому прешкодить или унимать, также церемонии делать вставаньем, провожаньем и прочим отнюдь да не дерзает под штрафом «Великого орла» (т. е. обязательным питьем из огромного кубка, после чего человек падал замертво. — Е. А.)»¹⁰. Как видим, приучать людей вести себя непринужденно в России можно было только принуждени-

ем. Кроме того, генерал-полицмейстер вел учет гостей на ассамблеях, так как их посещение было, по-видимому, обязательным.

Говоря о многочисленных переменах в жизни людей петровского времени, не следует забывать, что это были не просто перемены в быту, нравах, одежде, архитектуре. Все это были проявления культурной реформы. Суть ее, как известно, состояла в смене языка культуры, кода ее с отчетливой ориентацией на признанные наилучшими западные образцы. В ходе этой реформы были заложены основания новой инфраструктуры, на которых и смогла развиваться новая культура.

Произошла коренная реорганизация и расширение системы образования: появились массовые и специальные начальные школы, высшие учебные заведения, практиковалась в широких масштабах отправка молодежи для учебы за границу, приглашались зарубежные специалисты, бравшие себе русских учеников. Кроме того, в петровское время возникли предпосылки для развития науки: создавалась Академия наук, действовали первые библиотека и музей, посылались экспедиции с научными целями в отдаленные районы страны.

Нельзя забывать и о значительном расширении информационных каналов. Появление газеты, обширная переводная и оригинальная литература — все это, наряду с зарубежными поездками, способствовало усилению потока информации практически по всем аспектам тогдашней европейской действительности. Важно подчеркнуть, что бурное развитие получило искусство, причем в тех своих сферах, которые были ранее слабо или совсем не развиты в России. Художественный стиль барокко, господствовавший тогда в Европе, с первых лет петровского царствования прочно обосновался и в России, диктуя иерархию эстетических ценностей, определяя моды, формируя вкусы.

Для новой культуры были характерны открытость и светскость в противовес прежней, хотя и быстро размываемой, конфессиональной замкнутости средневековой православной культуры.

В литературе справедливо отмечалось, что культурная реформа Петра была во многом подготовлена предшествующим развитием, в котором проявились те черты, которые стали основными для культуры петровского времени. Речь идет о развитии барокко в литературе и ис-

кусстве второй половины XVII века, когда на передний план стало выходить личностное начало, осознаваться ценность человека как такового, причем человека деятельного, активного. Усилилась специализация всех видов творчества, происходила постепенная общая секуляризация культуры. Петровские реформы «были подготовлены не только отдельными явлениями XVII века. Они явились закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа культуры к культуре нового времени».

Велика в этом смысле роль Петра. Отмечая ее, Д. С. Лихачев, в сущности, солидаризируется с М. М. Щербатовым, считавшим, что русское общество без Петра опоздало бы в своем развитии лет на двести: «Исторические процессы без выдающихся исторических личностей не изменили бы своего направления, но были бы сильно замедлены; при этом замедлен был бы процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры нового времени»¹¹.

Действительно, государственные личности, точнее — персонифицированное в них государство, оказывали огромное влияние на русскую культуру нового, да и новейшего, времени. Государство во главе с Петром перенесло на русскую почву многие западноевропейские институты культуры, финансируя и поощряя развитие тех сфер, которые казались тогда наиболее важными и нужными. В условиях России конца XVII—начала XVIII века организующая роль государства в культуре была во многом неизбежна и необходима, ибо при отсутствии источников финансирования культуры, кадров, мировоззренческих традиций отношения к науке как к самостоятельной ценности иной, кроме государственного, путь освоения новых идей европейской развитой культуры времен Просвещения мог бы затянуться до бесконечности, обрекая Россию на отставание в постижении общечеловеческих ценностей.

Вместе с тем, покровительствуя культуре, выступая в роли мецената, государство властно диктовало ей условия ее существования, пропитывало ее поры тем неистребимым бюрократическим духом, который делал труд писателя, художника, актера разновидностью службы, обеспечиваемой жалованьем. Именно поэтому выдающиеся деятели культуры XVIII века трудились в составе различных «команд», «канцелярий», входили в Академии

наук и искусств, а не включенные в эти системы чувствовали себя обиженными, подобно А. П. Сумарокову, жаждавшему членства в Академии наук больше, чем вечной посмертной славы первого российского пиита. Реформа Петра привела к тому, что преобразованная культура стала отчетливо государственной, выполняя, подобно другим реформированным структурам того времени, определенные государственные функции по обслуживанию потребностей власти самодержца. Естественно, что через комплекс культурных ценностей и стереотипов государство оказывало мощное воздействие на реальную жизнь людей, чьи привычки, стиль жизни нивелировались, унифицировались, подчиняя государственному началу.

Конечно, отчетливей всего эта унификация, пронизанная полицейским духом, проявлялась в городах, особенно в Петербурге. Именно в Петербурге и была впервые создана Полицмейстерская канцелярия, которую следует считать первым чисто функциональным полицейским ведомством. Во главе ее был поставлен генерал-полицмейстер. В обязанности канцелярии входило «рождать добрые порядки», а «непотребное житие отгонять».

Расшифровка этих общих положений показывает, что обязанности полиции были весьма обширны. Правильность застройки, пожарная безопасность, чистота на улицах, режим торговли — это далеко не полный список обязанностей Полицмейстерской канцелярии. Главным было наблюдение за жителями. Для этого канцелярия организовывала ночные дозоры из мещан, объединенных в десятки, полусотни, сотни, строго следила за тем, чтобы «в ночи в неуказные часы никто не ходили, кроме знатных персон, и огни в домах тушили, и никакого питья и товаров не продавали», чтобы все дружно ходили на пожар в соответствии со специальным регламентом и т. д. Указом от 18 июня 1718 года предписывалось: «для лучших порядков каждому жителю, чтоб они в Канцелярии полицмейстерских дел подавали ведомости за руками о тех людях, которые у них будут стоять и отъезжать, и кто примет в работу, или в службу или ночевать, и чтоб таких без свидетельств никого не принимать и без добрых по нем порук». Нарушающие этот указ могли жестоко поплатиться: «будут биты кнутом и сосланы на каторгу, а движимое и недвижимое их имение будет взято на государя».

Два дня спустя — 20 июня — в дополнение к этим полицейско-пропускным мерам был объявлен еще один полицейский указ о том, чтобы «всех гулящих и слоняющихся людей, особливо которые под видом, аки бы чем торговали, и которые будут по улицам пьяные кричать и песни петь, и ночью ходить, и не в указные часы шататься: таких хватать, понеже в том числе бывает много беглых солдат и матросов и прочих воров, которые себе квартир не имеют, от которых бывают воровство и смертельное убийство, а больше живут на кабаках и в торговых банях, на рынках, и в харчевнях и в вольных домах»¹².

После Петербурга Полицмейстерская канцелярия была организована в Москве, а потом и в других городах.

Однако полицмейстерским канцеляриям была бы явно не под силу роль «фундаментальной подпоры человеческой безопасности и удобства» во всей огромной стране. Силой, могущей навести порядок в государстве, могла стать только армия, которая расселялась по всем губерниям и уездам. Она и стала впервые в истории выполнять на местах полицейские функции. Это естественно вытекало из той важной социальной роли, которую придал Петр армии в новой системе управления после войны. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что армия размещалась в уездах специально для осуществления полицейского надзора, но мы не погрешим против истины, если скажем, что эта цель не была последней в расчетах царя-реформатора, думавшего в конце Северной войны о том, как наиболее рационально разместить армию.

Предпосылкой создания общегосударственной системы полицейского надзора и в то же время необходимым условием ее повсеместного внедрения явилась податная реформа 1719—1724 годов. Государство было заинтересовано в том, чтобы население исправно платило подушную подать. Но еще больше была в этом заинтересована армия, поскольку подушный налог шел непосредственно на ее содержание.

В обязанности полковника, зафиксированные «Плакатом» и «Инструкцией полковнику», входило наблюдение за полнотой и быстротой сбора подушных денег земскими комиссарами, он следил также за правильностью распределения и расходования собранных в уезде денег на нужды своего полка. Тем самым командир полка и его

подчиненные участвовали во всех этапах работы финансово-податного аппарата. Создавая этот военно-фискальный механизм, Петр резонно полагал, что поскольку деньги, собираемые на нужды конкретного полка, будут поступать от сборов с крестьян, живших в местах дислокации полка, то новые «военно-полевые» сборщики налогов станут особенно усердно наблюдать за сбором денег и помогать в этом земским комиссарам, ибо начинал действовать закон своеобразного «фискального хозрасчета»: сколько военные собирали денег в уезде — столько и получали в виде жалованья.

Но, передавая армии функции типично гражданских финансовых органов, Петр этим не ограничился. Фискальные обязанности полковника были лишь одним из аспектов его главной обязанности — «наблюдать земскую полицию», или, проще говоря, исполнять полицейские функции. Именно полицейским функциям военных в уездах уделяют особое внимание «Плакат» и «Инструкция полковнику»¹³.

Полковник признавался главой земской полиции в уезде. Он был обязан наблюдать за характером взаимоотношений армии и населения, пресекая возможные нарушения и злоупотребления. «Плакат» признавал безусловную незыблемость помещичьей собственности и запрещал военным вмешиваться в дела поместий. Армейским чинам предписывалось «ни в какия, как помещицкия, так и крестьянския, владенья, и в них управления и работы штаб-, обер-, унтер-офицерам, и рядовым не вступать и помещательства отнюдь не чинить». Впрочем, констатацией этого положения, а также указанием, как и где пасти полковых лошадей, заготавливать для войск дрова, содержать скот и птицу, и ограничивалась регламентация взаимоотношений армии и гражданских лиц. Во всех других случаях население предупреждалось: «Ежели от офицеров и от рядовых, и от неслужащих будут чиниться какие кому обиды — и тем бить челом полковнику и офицерам, о чем им указ дан, чтоб надлежащую управу чинили». Таким образом, проблема непростых взаимоотношений армии и населения решалась самими же армейскими командирами, что означало резкое усиление полицейской власти военных в жизни русского общества.

Другой важной полицейской функцией армии было искоренение вооруженной рукой всякого «разбоя»,

включая случаи сопротивления крепостных крестьян помещикам и местным властям. «Плакат» предписывал строгую ответственность полкового командира, наблюдавшего за тем, чтобы в «его» и в соседних дистриктах не было разбойников, а также обязанность населения под страхом «жестокое наказания» и ссылки «на каторгу вечно» доносить полковнику, обязанному, также под страхом жестокого наказания, немедленно вылавливать таких разбойников. Последние положения были внесены в закон по прямому указанию Петра, постановившему при слушании проекта «Плаката»: «В Плакате под пунктом о искорении воров и разбойников ежели кто, *уведав таких воров, не донесет* или в поимке не будет вспомогать, то конечно тем людям учинено будет по государственным правам, *безо всякого милосердия*, тако вписать имянно»¹⁴.

Постепенно создавалась целостная полицейская система, в основе которой лежали принципы постоянного контроля за населением, разнообразные ограничения, применяемые не только к крепостным, но ко всем подданным. О социальных ограничениях речь шла в главе «Произведение подданного всероссийского народа», здесь же рассмотрим ограничения в передвижении по стране.

«Плакат», как и особый указ «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уездах», предписывал, прежде всего, бороться с бегством крестьян. В «Плакате», где был отдельный параграф «Об удержании крестьян от побегу», обязанности полковника были сформулированы так: «Полковнику ж и офицерам велено смотреть того, чтоб ис крестьян, которые на тот полк написаны, ни кто не бегал, а ежели проведает, что к побегу будут збираться, тех от того удерживать. А которые побегут, за теми гнать в погоню и ловить. И как пойманных, так и удержанных велеть помещикам наказывать»¹⁵.

Важной особенностью норм «Плаката» и указов было то, что в них уделялось внимание не столько поимке и возвращению беглых, сколько пресечению бегства в зародыше. Этого можно было достигнуть лишь тщательным, неусыпным наблюдением за населением, «профилактикой» с помощью поощрения доносов о замышленных побегах. При обсуждении «Плаката» в Сенате 14 ноября 1723 года была высказана даже такая ясная, недвусмысленная идея повсеместного надзора: «...написать в плакаты, чтоб помещики в деревнях своих смотрели на крестья-

яны, а крестьяны друг за другом, что ежели кто откуды станет збиратца бежать, а они проведуют, то о таких объявлять в городах и их задерживать, а ежели откуды от которого помещика сколько человек збежит, то бы были о том сведомы, что подушных денег за оных беглых с них збавлено не будет»¹⁶.

В переработанном виде эта мысль попала в «Плакат», причем в новой редакции подчеркивалось, что помещики должны присматривать не только за своими крестьянами, но и за соседскими: «Также помещикам и прочим владельцам объявляется, чтоб они для удержания крестьян от побегов имели такое смотрение, ежели кто не токмо о своих, но хотя и о посторонних крестьянах о намерении их к побегу уведают, те б о том немедленно сказывали владельцам их, будет же до того время не допустит, то, собравшись, ловить и посторонним»¹⁷. Одновременно строжайшим образом запрещалось принимать беглых крестьян в тех уездах, где они не были учтены к платежам.

Полицейские функции государства в социальной сфере особенно отчетливо проявились при решении вопроса о так называемых «вольных и гулящих». Как известно, законодательство XVII века признавало существование «вольных и гулящих», которыми, согласно Уложению 1649 года, считались те, кто находился вне трех, отчасти дублирующих друг друга, общественных состояний (служилого, крепостного и тяглового). В Уложении говорится, что они — «вольные люди» — «не служилых отцов дети, в государевой службе и в тягле нигде, и в холопах, во крестьянех, и в бобылях ни у кого не бывали». Наличие «вольных и гулящих» людей из числа которых вербовались служилые, холопы, работные, составляло ту характерную особенность русского средневекового общества, которая стала немыслима при строительстве петровского «регулярного» государства.

Примечательно, что при обсуждении в Палате по составлению Уложения 1700 года статьи о приеме «вольных» людей в крестьяне и бобыли было решено: «Сию статью отставить... для того, что после первого Уложения (1649 года. — Е. А.) *вольных опричь церковников, никого нет*»¹⁸. После церковной и податной реформы даже о церковниках этого сказать было нельзя, ибо, проводя преобразования, Петр тщательно смотрел, чтобы никто не «избыл» службы, тягла, не оказался без дела. Все усилия

законодательства и практики были нацелены на то, чтобы раз и навсегда покончить с сословной, социальной неопределенностью, бестягостью и неслужением. Если уж согласно петровскому указу 1722 года каждая монашка должна была выучиться прядению или рукоделию «от времени получения о сем указа в два или три месяца без отлагательства», а согласно другому указу все сельские и городские дураки, а «также слепые, и весьма увечные, и дряхлые» должны были платить подушную подать (хотя, как отмечалось в указе, «конечно, действия и пропитания не имеют»), то понятно, что участь «вольных и гулящих» была предпрешена.

Категории «вольных» не было места в сословной структуре петровского государства. Их стали попросту приравнивать к беглым, уголовным элементам и преследовать в соответствии с этим. Особенно последовательно принцип такой политики реализовывался в ходе податной реформы. Все подданные должны были быть включены либо в службу, либо в тягло, а кто был негоден к службе и тяглу — определялся в богадельню, «только чтоб... без дела и в гуляках не были». Так писалось в указе об освидетельствовании мелких служилых людей. Принцип этот действовал применительно и к другим сословиям. Так, в указе о пересмотре штатов подьячих по всей стране отмечалось, что не попавшие в штаты канцелярий служащие должны быть причислены в оклад и выбрать себе любое занятие, «токмо б безокладны и втуне в гуляках не осталось». Негодным к службе и отставным солдатам также было предписано, «чтоб никто из них в гуляках не был, а определяли в другие службы или к кому в дворовое услужение»¹⁹. Подобным же образом решалась и судьба «нештатных» церковников, бывших холопов.

Меры по борьбе с «вольными» были распространены и на нищих. 6 апреля 1722 года Петр «изволил разсуждать, дабы учинить нищих во всех местах ловить, а кто их будет держать или оные х кому пристанут, с таких имать штраф». В опубликованном после этого «разсуждения» указе говорилось: «Смотреть накрепко, дабы по прежним указам бродящих нищих не было. А ежели где таковые явятся, и таких ловить и приводить в Полицмейстерскую канцелярию, а из оной молодых на урочные годы употреблять к казенным работам, а старых — отсылать для определения в гошпиталь, в Синод, а к кому оные пристають, и с таковых имать штраф»²⁰.

По этому и другим указам производились массовые облавы на «юродивых», «дураков», «сырых и убогих», нищих и им подобных, как бы сейчас сказали «бомжей» — стыдливый эвфемизм старинного термина «бродяги». Например, в январе 1724 года проводивший ревизию душ в Нижнем Новгороде поручик Тимофеев докладывал начальству, что им с нижегородского кружечного двора (то есть из кабака) взяты «голые, которые допросами показали, что они в поголовных скасках нигде не написаны», и их разослали «на прежние жилища» для определения в оклад или в богадельню. Речь идет о пьяницах-забулдыгах, пропивших все до нитки и живших до теплой погоды в кабаках, благо они практически не закрывались²¹.

Поручик Тимофеев действовал согласно правительственным решениям о ликвидации нищенства и бродяжничества. 3 июня 1724 года был подготовлен указ о грандиозной полицейской акции по учету и переписи нищих всей страны. Акцию предполагалось провести в один день — 1 октября — сразу везде в местах, «где есть старые, больные и увечные нищие и сироты, как мужеска, так и женска полу, которые были в богадельнях и в гошпиталях, и сверх тех, которые явятся такие ж больные и увечные, которые работами пропитать себя не могут, а ни к кому не приписаны, и в подушной оклад не положены». А чтобы эта акция не стала заранее известна в народе, до 1 октября вскрывать конверт с указом губернаторам и воеводам категорически запрещалось, а по вскрытии «переписывать бы начали все вдруг того ж дня, как распечатывают»²². Государство, как видим, успешно исполняло предписание регламента Главного магистрата: «полиция... призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сырых и чужестранных по заповедям Божиим».

В целом «вольные и гулящие» рассматривались как инородное тело в общественном организме, представляющее социальную опасность. При освидетельствовании церковников от ревизоров требовалось «всемерно смотреть, чтоб из них гулящих и подлогом отнюдь нигде не было... Понеже от таковых, которые шатаются без служб государственной пользы надеяться немочно, но токмо умножается воровство»²³. Здесь и заключено то главное, ради чего был устроен «перебор людишек» при Петре, — приложить к каждому человеку критерий государ-

ственной пользы и в соответствии с ним оценивать человека, меняя при необходимости его статус.

Борьба с «вольными и гулящими» стала частью целой системы борьбы с бегством. Естественно, что эта борьба имела давние традиции еще в допетровский период. Но мы опять не можем не отметить многих количественных и качественных перемен, происшедших в ходе реформ и в связи с ними. Суть перемен состояла не только в усилении практических мер по борьбе с побегам, но в изменении подхода законодателя к оценке этого распространенного социального явления. Как писала Е. И. Заозерская, «под бегством стали подразумевать вообще уход без разрешения всех тех, кто находился в тягле или крепостной зависимости, а в таком положении была вся масса крестьянства и посадского населения, особенно со времени введения подушного обложения. Так как подобный уход, по мере его роста, задевал фискальные интересы феодального государства и интересы господствующего класса, он все более инкриминировался, что и выражалось самым названием „бегство“, „беглый“, то есть нарушитель порядка. Сами же виновные лица обычно называли акт ухода словами „сшол“, „сошел“, „ушел“». Как отмечает исследователь, эти термины как бы подчеркивали момент передвижения крестьянина без того одиозного характера, которое придавалось термину «беглый», «бежал» и т. д.²⁴

Столь расширительное толкование бегства отражало новое направление политики, ставшее преобладающим во времена оформления «регулярного» государства Петра, точнее — с начала податной реформы, подушной переписи и ревизии, использованных, как мы видели выше, для наведения нового социального порядка в стране, в том числе и для борьбы с бегством.

Здесь выделим самый важный момент. В XVII—начале XVIII века борьба с бегством велась с помощью отправки в места расселения беглых специальных экспедиций так называемых «сыщиков» (вспомним, с чего началось восстание Булавина), которые, прибыв в определенный район, вылавливали беглых, преимущественно владельцев, крестьян и отправляли их на прежние места жительства. Подчас сами владельцы беглых крестьян были вынуждены заниматься сыском их и, найдя, подавать властям челобитные с требованием содействовать возвращению беглых. В годы Северной войны правительство не

имело возможности уделять много внимания этому. Кроме того, потребность в рабочих руках на заводах, стройках, в армии и на флоте приводила к тому, что власти сквозь пальцы смотрели на бегство.

Тем выразительнее кажутся перемены в политике правительства Петра начиная с 1721 года, когда был издан ряд законов, ужесточивших борьбу с бегством по сравнению с предшествующим периодом. Особенно важен закон от 1 февраля 1721 года, разработанный при активном участии самого царя. Им устанавливался четкий срок для вывоза всех беглых — полтора года с момента опубликования указа. Был резко расширен контингент тех, кого считали беглыми, — к их числу были отнесены зятья беглых, даже если сами по себе они ниоткуда не бежали и жили отдельно от тестя. Этой нормы, кстати, не знало право XVII века. Указ вдвое увеличивал штраф за невывоз беглых в срок и вводил телесные наказания и ссылку на галеры старост и приказчиков, виновных в утайке беглых.

Еще более суровые наказания ожидали помещиков, рискнувших принять беглых уже после публикации указа. Стремясь жестокими мерами создать невыносимые условия для держания беглых, закон поощрял приказчиков и старост доносить на своих помещиков, если они вынуждали своих людей принять беглых в деревни. Донос приводил к тому, что все деревни такого помещика следовало отписывать «безповоротно, а доносителям за правое их доношение чинить награждение, а именно свободу и из тех описных деревень давать четвертую часть». Так, сообщив «куда следует» на своего господина, можно было получить не только свободу, но и стать помещиком²⁵.

Указ от 1 февраля 1721 года и дополнивший его указ от 6 апреля 1722 года стали юридическим основанием для начала беспрецедентной кампании по ловле и вывозу беглых. Этим занялись военные ревизоры, осуществлявшие тогда ревизию душ мужского пола для «положения» их в оклад подушной подати. Все беглые были обязаны отправиться на прежние места жительства, где их записывали в налоговые кадастры. Примечательной особенностью нового тотального по своим масштабам действия в рамках всей страны с использованием армии было то, что вывоз беглых осуществлялся силами держателей беглых, обязанных привезти расписку владельца беглого о его точной доставке по адресу, а также то, что перед

этим все беглые допрашивались, нередко под пыткой, в военных канцеляриях свидетельства душ.

Тщательность проводимого ревизорами в каждом имении, уезде свидетельства, допросы, очные ставки и пытки при первом подозрении в даче ложных показаний, угроза выплаты огромных штрафов за держание беглых, опасения доноса, конфискации имущества — все это накаляло обстановку на местах, делало ее нетерпимой как для самих беглых, так и для их держателей. Поэтому в 1722—1725 годах канцелярии свидетельства душ были буквально завалены делами о беглых, которых тысячами приводили туда их держатели. Получила распространение добровольная «явка собой» беглых в канцелярии. Причиной этого было то, что держатели беглых, напуганные указами, волокитой оформления дел о беглых и не желавшие заниматься отвозом живших у них беглых, попросту говоря, «выбивали» беглецов из имения, предоставляя их самим себе.

Обобщая подобные многочисленные случаи, ревизор Смоленской губернии А. Н. Вельяминов писал в Сенат: «Из дворцовых и монастырских вотчин управители и вотчинники беглых людей и крестьян на прежние жилища не отвозят, но высылают их ис тех вотчин вон, обобрав всякие их пожитки и хлеб, и те высланные в прежние свои жилища не идут, а идут в украинные города». Ревизор Алатырской провинции писал, что «выбитые» крестьяне, «бродя по разным местам, являются в канцелярии у нас».

Среди пришедших в канцелярии было немало сирот, детей, не знавших ни своих родителей, ни мест, откуда их привели. Вот типичный допрос такого беглого: «Роспрос явившегося собою человека Михайла, а чей сын, того сказать не ведает, то ради, что де отца своего и матери не помнит, и где воспитан, того де помятует же, а в памяти де своей, как стал памятовать, ни у кого жительства не имел, ходил в мире... отроду ему 8 лет».

Но среди сдававшихся властям было немало взрослых, семейных крестьян. Почему они сами шли в канцелярии? Не следует упрощать проблему бегства. Не каждый крестьянин, зачастую обремененный семьей, мог бежать на Дон или за границу. Не каждый туда и хотел, хотя поток беглых в Польшу именно в это время резко возрос. Как известно, огромное число беглых оседало во внутренних районах страны на дворцовых, церковных, помещичьих и государственных землях. Здесь беглые об-

заводились семьями, родней, обстраивались, тянули тягло «в равенстве» с местными крестьянами — одним словом, «прирастали» к новым местам. Новые законы наиболее болезненно ударили не по бродягам, скитавшимся с места на место, а именно по таким крестьянам, реализовавшим, вопреки закону, свое человеческое право на выбор места жительства на земле, стремившимся жить «без всяких государственных поборов и помещичьих оброков, вольно». Для тысяч, десятков тысяч таких крестьян своз к прежнему владельцу или сгон был настоящим бедствием.

Было это бедствием и для страны. Даже ревизоры видели это. Один из них — Ф. Чекин — сообщал, что совершенно бессмысленно вывозить с черносошных земель черносошных же беглых крестьян в прежние места жительства, ибо там, «в прежних местах, откуда они вышли, дворов и пристанища никакого нет и завести им как дворовым строением и пашнею вскорости будет невозможно»²⁶. В 1723 году было решено государственных, дворцовых крестьян, перешедших на другие государственные и дворцовые земли, не высылать. Никакого послабления не делалось помещичьим крестьянам. Власти особенно строго следили за их вывозом прежним владельцам согласно букве закона. Правда, в 1723 году было сделано одно «послабление»: Петр предписал не выселять живших на дворцовых землях крепостных крестьян, если ими были заселены целые села или они составляли не менее трети их населения. В этом случае крестьяне не освобождались от помещика, а, наоборот, помещик получал во владение такое село вместе с освоенными беглыми крестьянами землями. Несомненно, решение царя, стоявшего на страже существующего социального порядка, могло только приветствоваться помещиками, получавшими таким образом новые владения.

Конечно, не все крестьяне покорно шли в канцелярию. В докладах ревизоров часто встречается фраза: крестьяне, «убоясь, день или два спустя, бежали неведомо куда», деревни оказывались «за безвесным крестьян побегам... пусты», «беглые у них бежали с дороги незнаемо куда».

Многие уходили на Дон. Ревизор Азовской губернии А. Мякинин, обнаружив пустые села, предполагал, что крестьяне ушли на Дон, ибо, «кроме Дона... уйти некуда, ибо вольности такой во Всероссийском государстве, кроме оных мест, нигде нет». Любопытное признание! Сведе-

ния Мякинина подтверждаются многими другими источниками. В 1723 году помещики жаловались, что в верховьях Хопра поселилось «много набродного народа, с 5 тысяч человек, и живут в горах, и в земляных избах, и в лачугах». Объединившись «великим собранием» до 200 человек, они ходят по уездам «и дома многих помещиков разбивают, и села и деревни разоряют, и пожигают самих помещиков, и жен их, и детей мучительно пытаются, и огнем жгут, и ругательским смертям предают»²⁷.

Следствием массового полицейского мероприятия стал рост побегов за границу — преимущественно в Польшу. В 1724 году Сенат получил известие, что пограничная стража не может удержать беглецов и на заставы «приходят беглецы, собравшиеся многолюдством, с ружьем и с рогатины и с драгунами держат бой, яко бы неприятели». Сенат предписывал Военной коллегии усилить заградительные кордоны армейскими частями и, «буде которые беглецы учнут проходить насильно, и по таким злодеев стрелять из ружья». Одно время в Сенате обсуждалась проблема размещения всей армии вдоль границы, с тем чтобы создать мощный заслон на пути крестьян, уходивших в Польшу²⁸.

Грандиозный всероссийский сыск беглых не являлся прихотью Петра. Это была продуманная, выверенная акция, рассчитанная, наряду со многими, уже упомянутыми выше, на то, чтобы заложить основы того социального порядка, который соответствовал общей концепции полицейского государства. Законы о беглых, реализованные в ходе проверки наличного населения, положенного в подушный оклад, не были временными. Они создавали юридическое основание для борьбы со всеми видами несанкционированного передвижения по стране. Законы о преследовании беглых, иначе говоря о запрещении покидать место жительства, ставшее и местом платежа подушного налога, распространялись не только на помещичьих крестьян, но и на все население, включенное в подушный оклад.

То, что законы о бегстве усиливали в стране полицейский контроль за населением, сомнений не вызывает. В упомянутом указе о бегстве от 6 апреля 1722 года предписывалось возвращать всех беглых с уплатой штрафа за прожитые в бегах годы — так называемое «пожилое», кроме тех крестьян, которых «отпускали в пастухи или в прочие работы из найма, а не побегом». Дальше отмеча-

лось: «А впредь с сего указа, таковым как вотчинникам, так священникам и прикащикам, и старостам давать письма за своими руками, *для какой работы оной отпущен* или просто для работ, от чего б мог кормиться, тут же именно написать, чтоб по миру нищим не ходить, по-неже о нищих, увеченных указ есть, а здоровых, когда поимают, велено в каторжную работу с наказанием отсылать, ибо в таковых много воров бывает, и чуть не все, а без таких писем отнюдь по прежним указам не принимать». Указ со слов «для какой работы...» и до конца написан самим Петром и прекрасно характеризует присущий ему строй мыслей²⁹.

Идея Петра о паспортах — пропускных документах, без которых не мог двинуться с места человек, была последовательно проведена в уже упомянутом «Плакате» 1724 года, определявшем характер отношений армии с населением. Приходится повторяться, но, как и во многих других случаях, паспорта не были изобретением Петра. Еще в XVII веке существовала практика выдачи крестьянам, выходящим на заработки, специальных «кормежных памятей». Однако ни в XVII веке, ни даже в течение Северной войны не существовало строгого паспортного порядка, появившегося после введения законов о бегстве и с началом размещения армии. Введение подушного обложения, построенного на учете всего мужского населения страны, стало его основой, а усиление общих начал полицейского порядка в стране сделало строгий паспортный режим реальностью.

Накануне введения паспортов царю был подан проект, автор которого нам неизвестен. Он приветствовал податную реформу и считал, что введением подушной подати следует воспользоваться для укрепления контроля за населением с помощью системы пропусков-паспортов. По мнению автора проекта, вообще нельзя разрешать разъезды по стране всем желающим. Паспорта, которые прожектер называет «ерлыками за гербом», нужно выдавать не более четверти учтенного переписью населения. Доверенные люди помещика должны были получать у ландрата положенное на данную вотчину количество «ерлыков»-паспортов и с большой осмотрительностью раздавать желающим выйти на заработки. «Ерлык» был бы действителен лишь в течение пяти лет, и без него крестьянин считался бы беглым.

Автор проекта видел систему «ерлыков»-паспортов всеобщей, охватывающей все категории населения. Так, купцы должны были иметь «ерлыки» с указанием маршрута их движения и перечнем товаров, которые они везли с собой. «Також,— пишет автор,— и всяких чинов людям давать подорожные за таковыми гербами, в чем больши вси в верности сим могут утвердиться и за сроки в отпусках своих жить нигде не станут, по коим всяк везде тем изобличен будет». От введения паспортов «воровство многих пресечется и удержание крепкое... потому, что нихто пристанища без ерлыка сыскать себе не может». Власти должны поощрять деньгами тех, кто задерживал бы идущих без «ерлыков» людей. Система «ерлыков» предусматривала установление порядка постоянной проверки паспортов у всех проезжающих, и благодаря этому «управители» могли сразу задерживать всех подозрительных.

Полицейский энтузиазм неизвестного нам автора поистине не знал пределов. Он изобрел сложную, изощренную систему надзора за подданными. Каждый вернувшийся из поездки должен был в обязательном порядке представить письмо, данное в канцелярии того города, где он находился согласно паспорту. В этом письме должно было быть подтверждение, «что был он *тама, а не в других местах*, от чего верно о себе всяк будет знатен». Введение таких своеобразных командировочных удостоверений, хорошо знакомых читателю, должно было укрепить порядок, способствовать «прибытку государственному»³⁰.

Вряд ли стоило так подробно останавливаться на проекте неизвестного фанатика полицейского режима, если бы его идеи не были во многом воплощены в жизнь в «Плакате» 1724 года и в других постановлениях тех времен, в частности «Плакат» предписывал: «Каждому крестьянину в своем уезде работою кормиться позволяетя, с письменными отпусками за руками помещиков своих, в небытность помещика за руками прикащиков их и приходского священника; токмо с такими отпусками в другие уезды и больше тридцати верст от двора не ходить и никому их в работу не принимать; а кто примет, и держать будет больше тридцати верст, тот равно как за беглаго штрафован будет».

Тому, кто хотел отправиться в другой уезд, помещик и священник прихода должны были дать пропуск к зем-

[illegible]

скому комиссару, который был обязан внести данные о таком крестьянине в особую книгу и выдать ему «пропускное письмо от себя за рукою своею, и за рукою ж, и за печатью полковника, которого полк в том уезде имеет вечную квартиру», тщательно следя, чтобы пропуск («отпуск») помещика и приходского попа был подлинный.

За получение паспорта установленной формы крестьянин платил две копейки. Зная «гуманные» обычаи местных и иных властей, авторы предупреждали: «больше того отнюдь ничего не требовать и больше ж двух дней, под жестоким наказаньем, крестьян не задерживать». В пропускных письмах строго оговаривался срок (не свыше трех лет), на который выходил крестьянин и свыше которого его запрещалось держать в местах работы. Категорически запрещалось выдавать «письма»-пропуска на крестьянские семьи, и власти предупреждались: «хотя б которой крестьянин такое письмо и явил, тем не верить, и как на заставах, так и на ночлегах их ловить, и отсылать в прежние места к помещикам за провожатыми». Было немало и других мелких бюрократических крючков и крючочков, которыми можно было пользоваться, чтобы затруднить свободу выхода на заработки. Кроме того, во

время работы на стороне отходнику запрещалось жениться³¹.

Введение паспортов в 1724—1725 годах привело к тому, что теперь власти могли контролировать передвижение населения, ограничивая его во временных и пространственных рамках, что почти тотчас сказалось на экономике, — выше уже упоминалось, что многие мануфактуристы в начале 20-х годов стали испытывать трудности с вольнонаемной силой, что было в немалой степени связано и с введением паспортного режима. Летом 1725 года строитель Ладожского канала Б.-Х. Миних сообщал, что на возведение канала не хватает рабочих рук и подчиненные ему офицеры «видели во многих местах задержанных вольных работных людей», не имеющих при себе «действительных пашпортов», которых местные власти, «бив батожьем, отсылали в прежние их жилища».

Естественно, что там, где что-то ужесточалось, люди стремились найти незаконный выход, обмануть. Одним из способов обойти закон сразу же стало изготовление фальшивых паспортов. Чтобы этого не допустить, власти пошли на контрмеру — ввели печатные паспорта. Их должны были выдавать не земские комиссары, а воеводские и губернские правления. Тотчас возникла новая проблема: как писали в Сенат чиновники с мест, «ежели обширный уезд, например Московский, Новгородский и Нижегородский и иные многие тому подобныя, ис такова уезду не свободны в другой уезд в наймах ехать или для работы итти, покамест не получают от воеводы пашпорта, а к воеводе в город итти *верст по сту и по двести*, то он прежде, нежели работою своею на оплату податей что достанет, последнее свое дорогою исхарчит»³².

Иначе говоря, чтобы выйти на заработок на расстояние в 40 верст, нужно было прошагать за паспортом двести! А уж другая российская черта — волокита, когда крестьяне-просители неделями «в городах за пашпортами волочатся», нам хорошо известна.

Исполнительность, дисциплина — вот что прежде всего требовалось от подданных. Было создано немало способов и институтов, которые позволяли властям контролировать исполнение предписанного. Как уже отмечалось выше, полиция отнюдь не была только учреждением, конторой. Она предполагала особое общественное поведение,

особый склад мышления. Закономерно, что при Петре мы застаем развитой институт доноса, подлинную культуру доносительства.

Разумеется, донос появился не с Петром. Исследователи относят появление правовых норм о доносах («извещениях») ко времени укрепления Московского государства, когда великие московские князья, стремясь закрепить переходивших к ним служилых людей, включали в «укрепленные грамоты» (крестоцеловальные записи) положения не только о верности вассала своему новому сюзерену, но и о его обязанности доносить о замыслах против него: «...где какого лиходея государя своего взведаю или услышу, и мне то сказати своему государю великому князю безо всякие хитрости по сей укрепленной грамоте».

Подобные договоры личной службы впоследствии сменялись публично-правовыми записями на служилую верность, в которые вошли и положения об «извете». Соборное уложение 1649 года включило уже традиционную норму о доносе, дополнив ее нормой о наказании за недонесение: «А будет кто, сведав или услыша на царское величество в каких людех скоп и заговор или иной какой злой умысел, а государю, и его государевым боярам и ближним людям, и в городех воеводам и приказным людям про то *не известит*... и его за то *казнити смертию безо всякия пощады*»³³.

Особенностью действия закона о недонесении было то, что обязанность политического доноса лежала и на всех родственниках изменника. Именно этим и был страшен самовольный выезд за границу — родственники становились заложниками и считались соучастниками побега, рассматриваемого однозначно как государственная измена. Уложение предписывало: «А *жены* будут и *дети* таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же *казнить смертию*». И далее: «А будет кто изменит, а после его в Московском государстве останутся отец или мать, или братья родные или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы, и вотчины у них были вопче — и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, *отец и мати, и род его* про ту измену ведали ли. Да будет *сыщется допряма*, что они про измену ведали, и их *казнити смертию же*, и вотчины, и поместья их, и животы взяты на государя»³⁴.

Григорий Котошихин — подьячий времен Алексея Михайловича, бежавший за границу, — писал в своем сочи-

нении о России, что родственников бежавшего пытаются, «для чего он послал в иное государство, не напроваживаючи ль каких воинских людей на Московское государство, хотя государством завладети, или для какого иного воровского умышления по чьему научению»³⁵. Как мы знаем, у следователей было много способов «сыскать допряма» об измене.

Другой примечательной чертой закона об «извете»-доносе было то, что он распространялся исключительно на политические (государственные) преступления, среди которых фигурировали: «скоп и заговор или какой иной злой умысел» против царя, покушение на его здоровье, а также измена.

Вот здесь-то и начинается существенное различие традиций древнерусского права и права петровской поры.

Прежде всего, Петр резко раздвинул рамки преступлений, называемых государственными и подлежащих действию законов о доносе и доносительстве. Помимо уже упомянутых традиционных государственных преступлений (умысел на здоровье государя, бунт-возмущение и измена) к их числу было отнесено «похищение его царского величества казны», то есть казнокрадство.

В 1723 году Петр разработал проект указа о разделении всех преступлений на «государственные» и «партикулярные». Такое разделение должно было стать основой нового Уложения, которое разрабатывали с 1720 года. В указе Петра Сенату отмечалось: «В Уложение зделать надвое: одно государственное преступление, другое — партикулярное». К числу государственных преступлений были отнесены все преступления чиновников по должности, поэтому должностной преступник, «яко нарушитель государственных праф и своей должности», подлежал смертной казни. Выше уже приводились объяснения Петра по этому поводу: должностные преступления разоряют государство хуже измены³⁶.

Кроме преступлений по должности к государственным преступлениям было отнесено немало и других, о которых подданные были обязаны доносить, как о государственной измене или готовящемся бунте. К преступлениям, подлежащим доносам, стали относить утайку душ от переписи, сокрытие беглых крестьян, рубку заповедных лесов, неявку на смотр и службу, принадлежность к расколу и проповедь учения раскольников.

Вообще при Петре явно наметилась тенденция подво-

дить под государственные преступления всякие совершаемые вопреки государственным законам поступки. В законодательстве возник обобщенный тип врага царя и Отечества — «преслушник указов и положенных законов». Кто бы он ни был — сановник или холоп, солдат или сын царя, — его участь должна решаться однозначно. 24 апреля 1713 года Петр распорядился: «Сказать во всем государстве (дабы неведением ни кто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякия пощады казнить смертию, деревни и животы брать, а ежели хто пощадит, тот сам тою казнию казнен будет». Именно в этом указе было впервые сказано о необходимости пересмотра состава государственных преступлений: «И для того надобно изъяснить именно интересы государственные, для выразумления людей»³⁷.

Кроме увеличения числа государственных преступлений, которые подпадали под действие законов о доносительстве и ответственности за недонесение, Петр активно и небезуспешно способствовал распространению массовой практики доносов, что как раз и позволяет говорить о расцвете культуры доносительства. Это достигалось различными способами.

Первым, и самым важным, следует признать создание государственной системы доносительства в лице специальных государственных чиновников — фискалов, обязанность которых, согласно указу от 5 марта 1711 года, состояла в том, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, також — в зборе казны и протчего», а затем в присутствии Сената уличить обнаруженного преступника. Успешная деятельность фискала вознаграждалась половиной штрафа, наложенного на преступника. Если же донос не подтверждался, фискал мог не волноваться: под угрозой жестокого наказания и «разорения всего имения» судьи не имели права преследовать его за ложный донос и «отноудь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать»³⁸.

Создание института государственного фискальства в 1711 году имело колоссальное значение, ибо принципы, начала его деятельности, освященные авторитетом государства, стали образцом, моделью поведения простых подданных. Само существование института фискальства должно было воодушевлять доносчиков всех мастей. Об этом прямо говорилось в указе Петра от 25 января 1715

года. Возмущаясь распространением подметных писем — анонимок того времени, Петр писал, что их авторы могут смело приходить с доносами: «А ежели б кто сумнился о том, что ежели явится, тот бедствовать будет, то не истинно, ибо не может никто доказать, которому бы доносителю какое наказание или озлобление было, а *милость многим явно показана*, а именно...» Далее следует список поощренных доносчиков по старым делам Цыклера и Шакловитого и «протчим им подобным, которые доносили сами, какая великая милость показана, о том всем ведомо».

И вот тот отрывок, ради которого мы обратились к указу 1715 года: «К тому ж могут на всяк час видеть, как учинены *фискалы, которые непрестанно доносят*, не точию на подлых, но и на самые знатные лица *без всякой боязни*, за что *получают награждение*... И тако всякому уже довольно из сего видеть возможно, что *нет в доношениях никакой опасности*. Того для, кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сомнения может *явно доносить словесно и письменно* о нужных и важных делах»³⁹.

И хотя доносчикам не гарантировалась тайна их деятельности, власти все же стремились по возможности избежать огласки и тем самым сохранить кадры сексотов. В 1711 году исполняющий обязанности обер-фискала Яков Былинский обратился к Сенату с запросом: «Кто на кого станет о чем доносить тайно и чтоб и о нем было не ведомо, а тот, на кого то доношение будет в том запрета, а явного свидетельства по тому доношению не явится, и дойдет до очных ставок и до розыску — и о таких [доносчиках] что чинить?» Сенат отвечал, что если о доносителе будет умолчать невозможно, то «его объявить для подлиннаго о том деле, кроме розыску и розыском решения, однакож надлежит, как возможно, *доносителей ограждать и не объявлять об них*, чтоб тем страхом другим доносителям препятia не учинить, а кого из доносителей по необходимой нужде и доведется объявить, и о том доносить ему, обер-фискалу, Правительствующему Сенату, а не донесши о них не объявлять»⁴⁰.

Во-вторых, с появлением института фискальства стало нормой материальное поощрение за донос, чего не фиксирует Уложение 1649 года, но знала практика политического сыска XVII века. В специальном указе от 23 октября 1713 года, поощрявшем доносчиков доносить о «пре-

ступниках указам и положенным законам и грабителях народа», подчеркивалось: «...кто таких преступникоф и повредителей интересов государственных и грабителей ведает, без всякого опасения приезжали и объявляли о том самому е. ц. в., только чтоб доносили истину, кто на такого злодея подлинно донесет, то ему за такую ево службу *богатство тово преступника движимое и недвижимое* отдано будет, а буде достоин будет дастся ему и *чин его*, а сие позволение даетца всякого чина людям от первых даже и до земледельцоф»⁴¹.

Обещания властей не оставались на бумаге. В указе от 28 апреля 1722 года было сказано, что «некоторой человек, пришед в город Пензу, и кричал всенародно многия злыя слова, касающиеся до превысокой чести его императорского пресветлого величества и весьма вредительные государству, на которой его крик сошлось людей не малое число, однако ж они того не учинили, чтоб как наискорее онаго злодея поймать и привести куда надлежит». В указе особо подчеркивается, что «токмо один из них пензенец, посадский человек Федор Каменщик, показуя верность свою к его императорскому величеству, известил о том злодее в самой скорости на Пензе в канцелярии, по которому его извету оной злодей взят». За свой донос Каменщик получил 300 рублей, «к тому ж товарами, какие он у себя имеет, торговать ему беспошлинно по его смерть, також де в городах командирам, кто какого звания ни есть, онаго Каменщика от всяких обид охранять»⁴².

В-третьих, государственным органам предписывалось самым тщательным образом относиться к доносам и содействовать доносчикам: «командирам весьма скоро тайным поведением оных злодеев сыскивать» и арестовывать. Вновь образованным надворным судам указывалось принимать к производству дела не только по доносам фискалов, но «хотя хто и не фискал донесет на кого».

Неоднократно подтверждался принцип доноса от любого, «от первых даже до земледельцоф». Благодаря доносу любой человек — крепостной крестьянин, холоп, родственник, сосед и т. д. — мог рассчитывать оторвать приличный куш, существенно улучшить свое положение: «...на таких всем извещать вольно, кто б какого звания ни был, которым доносителям все их пожитки и деревни отданы безо всякого препятствия». Это цитата из указа о явке дворян на смотр 1721 года. Подобные обещания в

законодательстве Петра повторялись многократно и по разным поводам.

В-четвертых, создание института фискальства в узком (государственном) и широком (общественном) смысле создавало атмосферу безнаказанности ложного доносительства. Хотя формально ложный донос преследовался законом, но обвинение в нем не относилось к фискалам и, вероятно, к их добровольным помощникам, допустившим ошибки. Формально не одобрялись доносы находящихся под следствием преступников, «понеже не от доброжелания, но избывая вины то чинил, или по злобе на того, кто его обличил». Правда, одновременно с этим указом был издан другой, предписывающий, что «ежели кто станет доносить во время розыска его, то тот донос отложить, пока тот розыск окончат, и потом следовать его доношение». То есть действовал принцип: всему свое время.

Нельзя думать, что доносительство было добровольным делом доносчика. Как и в предшествующую эпоху, недоносительство оставалось одним из тяжких преступлений: «А буде кто, видя означенных злодеев, явно что злое в народе рассеивающих, или ведая, что таковое зло тайно они производят, а их не поймает, или о том *не известит*, и в том от кого изобличен будет, и за это учинена будет таковым *смертная казнь без всякого пощадения*, движимое и недвижимое их имение вся взято будет на е. и. в.» (из указа от 28 апреля 1722 года)⁴³.

Каждый был обязан, под страхом наказания, донести о совершенном или готовящемся преступлении. Особенно ярко это проявилось в упомянутом выше законодательстве о нарушении священниками тайны исповеди. Священник, не донесший на прихожанина, мог подвергнуться за это смертной казни. Представляется, что такой закон стал апофеозом культуры доносительства, не оставив уже ни одного тайного уголка в жизни и даже душе человека.

Корни института доносительства и фискальства, таким образом, уходили в предшествовавший Петру период, но при нем получили необыкновенно пышное развитие. Этот расцвет доносительства морально оправдывался тем, что в рамках «регулярного» государства допускались все средства, если целью было благо подданных, народа.

Естественно, что у читателя возникают известные ассоциации с теми временами, когда культура доноса расцвела на памяти наших дедов и отцов, когда брошенный

сталинским наркомом лозунг: «Каждый гражданин — сотрудник НКВД» — многим не казался диким. Вспоминается и тот факт, что только недавно отменено рассмотрение анонимок, что в современном уголовном законодательстве предусматривается ответственность за недонесение о 31 виде преступлений, в том числе и о тех, которые не относятся к тяжким. Современные юристы считают, что между правом и моралью не может быть разрыва и что доносительство, прочно ассоциирующееся с безнравственным поведением, должно быть исключено из законодательства⁴⁴.

Создание общегосударственной полицейской системы, введение новых принципов общежития наиболее отчетливо выразились в феномене Петербурга — города, который мыслился как «регулярная» столица «регулярного» государства, как город-образец, — ведь не случайно тип застройки Петербурга, его архитектура были впоследствии тиражированы при застройке более двухсот провинциальных городов России XVIII века.

Петербург не задумывался изначально как столица. Город-крепость на первом клочке отвоеванной земли, Петербург защищал новые владения царя. Но с годами царь уделял ему все больше и больше внимания. Он связывал с ним не просто свои успехи в войне — Петербург становился смыслом, символом того нового, что входило в понятие реформы. Петр строил свой город, как корабль, положив в его основу новые для России градостроительные, архитектурные принципы. Отвоевывавая землю у врага и болота для своего города, демонстративно противопоставленного старой столице, он его так же любил, как ненавидел Москву, раздражавшую его своей архитектурой, людьми, обычаями, наводившую на неприятные и страшные воспоминания. Ничего этого не было здесь — в краю новостройки, полной свободы творчества, не ограниченной для царя ничем. Как отец восхищается невидимыми миру, ничтожными успехами своего дитяти, так Петр умилялся мазанковым улицам, хилым деревцам, поднимавшимся в Летнем саду. «Парадиз» (рай) — вот термин, который царь часто употреблял в письмах применительно к своему городу, любясь на свое создание, «как дитя, в красоте растущее».

Естественно, что идеи о новом были для Петра иден-

тичны идеям о регулярном — как новом, приведенном в систему, благодаря иным, чем прежде, принципам. Мечты о мире регулярности должны были воплотиться на берегах Невы. Именно поэтому регламентации строительства Петербурга и жизни его обитателей царь уделял так много внимания, и эта регламентация была так детальна и назойлива.

Как известно, первоначально город застраивался стихийно, основное внимание уделялось обороне, созданию его цитаделей. Но уже с начала 10-х годов XVIII века строительство приобрело планомерный характер, причем наиболее последовательно новые принципы стали осуществляться на Васильевском острове. Здесь по замыслу Петра должен был быть центр города, застроенный так, как будет застроен весь Петербург и все другие города.

Именно на Васильевском острове были впервые осуществлены сплошные плановые застройки согласно утвержденным проектам «образцовых» типовых домов. Как пишет иностранец-современник, царь, «чувствуя большую благосклонность к этому месту, чего первоначально, возможно, и не было, решил, что здесь должен быть регулярный город Петербург, застроенный в строгом порядке. Для этого он повелел сделать различные чертежи (проекты) нового города, считаясь с местностью острова, пока один из них, соответствовавший его замыслу, ему не понравился; он его апробировал и утвердил подписью. Следовательно, проект сохранит свою силу и в будущем, и новый город будут строить по этому чертежу. На нем обозначены как улицы и каналы, так и места для застройки домов. В 1716 году их разметили кольями и был издан указ, чтоб немедленно начали по чертежу строить дома и в них поселяться. Следуя этому, многие уже начали строить и застроили целую улицу с обеих сторон, однако только деревянными домами, но в большинстве случаев крытыми черепицей и лучшего качества, чем прежние. Но некоторые из знатных господ тем временем завезли материалы и камни, чтобы, согласно высочайшему указу, возвести каменные здания»⁴⁵.

Указ, о котором идет речь, строго предписывал всем помещикам строиться только на Васильевском острове, причем строить каменные здания размером в соответствии с числом дворов во владении помещиков: «с 1000 до 700 дворов — на 10 саженьях дом, а с 700 до 500 — на 8 саженьях дом же, а с 500 до 300 — на 5 саженьях дом же, а

Васильевский остров. Гравюра А. Ф. Зубова.

План Петербурга 1716 года, изданный в Нюрнберге.

Набережная Петербурга со стороны Большой Невы к 1725 году.
Гравюра О. Эллигера по рисунку Х. Марселиуса.

с 300 до 100 дворов — мазанки или деревянные, на скольких саженьях кто похочет, токмо б строились по указу, которой указ определяется, до которых дворов строится не меньше сего указного числа». Не горевшие желанием поселиться на впоследствии знаменитом острове рисковали многим: «А ежели кто и за сим публикованием, оных мест брать и домов своих строить по указу не будут: и на тех, яко на презирателях указа, взыскано будет жестоко по его царского величества указу»⁴⁶.

Но и начавшие строительство должны были строго выполнять все нормы застройки «по архитектуре», то есть согласно плану. Иначе все могло пойти на слом. В 1721 году было предписано строить каменные дома не только в линию, но и сплошь, в виде своеобразных казарм. Петр считал, что таким образом можно сэкономить немало дефицитного камня. Всем строившим здания было указано, чтобы, «для прибыли в материалах, стены с соседями смыкали, чтоб была одна стена между строением, а не две, а хотя и соседи в то время со сторон строение зачнут, и таковым прежде наченшим строение из стен к соседям выставливать кирпичи впредь для смычки, но многие, как видимо, по тому указу неисполняют...». Согласно новому «подтвердительному» указу 1721 года нарушитель постановления «о выставленных кирпичах» мог

Петр I и Екатерина, катающиеся в шняве по Неве.
Гравюра А. Ф. Зубова.

опасаться, что «у таковых палат углы будут разломаны и принужден будет сделать по указу»⁴⁷.

Обратим также внимание еще на один указ. Весной 1718 года многим состоятельным жителям Петербурга были «для новости сего места даны разных чинов людям парусные и гребные суда безденежно, со всем, что к ним принадлежит с таким определением, дабы у всякого оных были вечно». Указ от 12 апреля 1718 года, цитата из которого приведена, поясняет, что такое «вечно»: «то есть ежели какая трата на какое судно придет, повинен он такое ж вновь сделать (а не меньше, а больше воля) и не точию он, но его потомки и наследники его». Далее в указе подробно поясняется, как содержать подаренные государством суда, беречь их, «ибо сии суда даны, дабы их употребляли так, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги». Все владельцы судов были обязаны каждое воскресенье по специальному сигналу приплывать на определенное место и совершать там экзерции под парусами. Строго предупреждалось, что не являющиеся на эти смотры-прогулки чаще двух раз в месяц будут штрафоваться, как и те, кто самовольно уплывет с «экзерции» домой. Желательно было и присутствие женщин, хотя царь не настаивал на этом, отмечая, что это «по воле, а не по должности сего указу»⁴⁸.

Оба указа весьма примечательны и даже чем-то связаны между собой, хотя в одном идет речь о необходимой экономии строительного материала, а в другом — о приучении жителей города к плаванию на речных парусных и гребных судах. Но этим не исчерпывается смысл указов. В них — реализация великой мечты реформатора. Как бы глядя на свой город через годы, царь видел его сплошную единообразную застройку, подобную застройке западноевропейских городов. Перед мысленным взором Петра вставали разноцветные фасады стоящих сплошной стеной домов любезного его сердцу Амстердама, отражающиеся в тихих водах каналов, по которым на яхтах и верейках под звуки музыки катаются каждое воскресенье нарядно одетые обыватели, — ведь не случайно Петр предписывал: «Все каналы и по бокам их улицы дабы шириною были против эреграхта амстердамского»⁴⁹.

Вероятно, именно таким хотел видеть свой «Новый Амстердам» Петр, во имя чего он строил, перестраивал, ломал, принуждал, торопил. Но Петербург не Амстердам, а его жители почти все по воле царского указа были присланы (если не сказать — сосланы, ибо при Петре, как известно, Петербург был местом каторги для преступников) из глубины России. Далеко не всем из петербуржцев было суждено сразу же проникнуться мечтами и симпатиями царя, и, вероятно, многим казалось в высшей степени странным строить свой дом впритык к дому-соседу на огромном болотистом пустыре Васильевского острова, строго следя за тем, чтобы дом был построен в стиле, так непохожем на стиль традиционных русских жилищ, в которых родились они, их деды и прадеды. Не менее странным мог казаться им, привыкшим к хаотичной и по-своему удобной застройке русских городов, указ строить дома в одну линию вдоль лихорадочно сооружаемых тогда каналов, русла которых из-за непроточной воды быстро превращались в зловонные болота.

Поэтому естественным кажется такое обилие гневных указов Петра, в которых он клеймил ослушников: «Хотя наперед сего и опубликовано указами, чтоб жители каменное и деревянное строение строили по архитектуре и в один горизонт, и потолки подмазывали по образцу сделанных на Васильевском острове, объявляя чертежи тому своему начинающемуся строению учрежденным архитекторам, и многие из них, не объявляя о том учрежденно архитекторам и не справясь, как надлежит строить по

указу, своим упрямством то строение зачинают и строят не по архитектуре и не в один горизонт, и усмотря, кому повелено того смотреть по своей должности их строящее не по архитектуре строение, когда станут ломать, то они злословят и жалобы в том приносят напрасно, не разсудя в таком строении своей продерзости: того ради ныне в последние подтвердить и указами публиковать, ежели оные обыватели с сего числа впредь конечно в месяц, против прежних опубликованных е. ц. в. указов, каменных мостов не помостят и фашин за сваи не покладут, и землею не засыплут, и пристаней не построят и досками не замостят каждый против своего дома, или впредь лес и всякие материалы станут класть на пристанях, то на таких преслушниках доправлено будет на каждом штрафа по 100 рублей» — и т. д. и т. п.

Несть числа подобным постановлениям. Указами «под жестким штрафом» определялось: размер дымовых труб, вид кровли, расположение заборов и конюшен на участке, материал строительства и его расцветка, ширина мостов, порядок копания прудов и их размеры, установка «чугунных баяс с железными шестью», шлагбаумы и караульщики из мещан при них, кому можно иметь баню, а кому нельзя, глубина забитых свай, порядок выпаса скота и многое другое⁵⁰. Важно при этом заметить, что в многочисленных указах Петра, регулирующих жизнь Петербурга, весьма мало мотивировок того, почему их — жителей — жизнь должна быть такой, а не иной. Нельзя забывать, что именно обоснование предписанного характерно в целом для «обучающего» законодательства Петра. Здесь же, в сфере, так близко касающейся каждого человека, этого мы не встретим.

Начнем с того, что перенос столицы на берега Невы никак не объяснялся. Более того, неизвестна дата, с которой начался петербургский период истории. Условно его можно считать 1713 год, когда в Петербург переехали двор и высшие правительственные учреждения. Ничем не объяснялись массовые переселения дворян, купцов, мастеровых в новый город. Ничем не был мотивирован и перенос центра города на Васильевский остров. 1724 год начался указом о завершении переезда туда всех дворян, построивших дома в других районах города, в течение 1725 года. «А ежели чей дом не будет отделан в 1726 году, — грозил преобразователь, — и у таких преслушников указу отписать по половине их деревень безповоротно, разве за кирпичем и известью станет, и о том бы подавали доно-

шения в Полицеймейстерскую канцелярию, дабы освидетельствовано было, что правда». Одновременно предупреждались те, «кои в 1725 году не переедут и у тех все дворы их будут не только сломаны, но и они, хозяева, сами на Васильевский остров жить вышлются неволею в черные избы»⁵¹.

Поставьте себя, читатель, на минуту на место человека, послушно выполнившего волю государя, переехавшего в болотистый «Парадиз». С немалыми трудами и огромными расходами он построил дом «по архитектуре» где-нибудь на Московской или Петербургской стороне, куда каждый камень нужно было везти за десятки верст, поселился в нем и зажил, привыкая к новым, похожим на ссылку условиям, как вдруг ему читают указ о переселении на Васильевский остров по воле государя. И подобные указы, как снег на голову, нередко падали на жителей новой, да и старой, столицы, других городов страны.

С невероятными усилиями, но все же город создавался. Он был непохожим на другие города России, был не только регулярным, но и военным. Именно военный элемент нередко выступал в нем на первый план. Не является особым преувеличением высказанное историком В. В. Лапиным утверждение о том, что в России XVIII—XIX веков не армия была при государстве, а, наоборот, государство было при армии, причем столица Российской империи выглядела бы пустырем, если бы из нее вдруг исчезли здания, сооружения, памятники; так или иначе связанные с армией, военным делом, успехами российского оружия.

В самом деле, оглянемся вокруг: Петропавловская крепость и Адмиралтейство, Главный штаб и Штаб Гвардейского корпуса, Марсово поле и Военно-походная канцелярия, Александровская и Ростральные колонны, Румянцевский обелиск, казармы Конногвардейского, Павловского и многих других полков, первый, второй, Морской кадетские корпуса, Военно-медицинская академия и госпиталь Финляндского полка, Новая Голландия, Арсенал, Гауптвахта на Сенной площади, памятники Суворову, Кутузову, Барклаю-де-Толли, Никольский морской, Преображенский, Измайловский соборы — все это лишь наиболее ценные из сотен памятников Петербурга, военной столицы империи.

«Регулярность» и военный элемент, заложенные в идею города Петра, казалось, должны были придать горо-

ду казарменную тяжесть, унылость пыльного плаца, скуку бесконечных однообразных линий. Но этого не произошло. Построенный на болоте по взмаху царственной руки, он нес на себе печать иллюзорности, легкости призрака, миража, северного сияния, посещавшего раньше город.

И почти сразу же это породило мрачный, фантомный петербургский фольклор, идущий, по словам Алексея Толстого, от того самого петровского дьячка, увидевшего на темной лестнице кикимору и кричавшего в кабаке: «Петербургу быть пусту!»

«С тех пор, должно быть, и повелось, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике черт. То, в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец — мертвый чиновник».

Важен и другой момент в истории Петербурга — «регулярного» города. Люди, их жизнь, память, чувства одушевили схемы петровских чертежей, сделали город живым, запоминающимся, многогранным. Унылые линии, тянущиеся от воды до воды, стали линиями жизни.

«Вы — линии! В вас осталась память петровского Петербурга. Параллельные линии некогда провел Петр, и они обросли то гранитом, то каменным, то деревянным забориком; линия Петра превратилась в линию позднейшей эпохи: в екатерининскую, округленную, в строй колоннад. Меж громадин остались петровские домики; вон — бревенчатый; вон — зеленый; вот — синий, одноэтажный, с ярко-красной вывескою «Столовая», прямо в нос еще бьют разнообразные запахи: пахнет солью морскою, селедкой, канатами, кожаной курткой и трубкой и — прибрежным брезентом. О линии!.. Как они изменились: как и их изменили суровые дни!»

Одному поэту вторит другой:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
Я впотьмах не найду,
Между выцветших линий
На асфальт упаду...⁵²